

Елена Колтунова

Letum non omnia finit*

Снитковский принадлежит к числу лучших скрипачей мира. (...) На любой скрипке, даже Гварнери, никто другой не в состоянии найти таких красок!

«Bialostocka pravda», Polska

Летом 1951 года молодежь Одессы восторженно обсуждала неслыханный случай, происшедший в консерватории на вступительных экзаменах по специальности.

– Ну и хохму отмочил Семка Снитковский! Облажал председателя приемной комиссии по полной!

Эту историю многие, в том числе и я, пишушая эти строки, дословно помнят по сей день. Сегодня она воспринимается как закономерный пролог к жизни и творчеству выдающегося музыканта и педагога, каким, несомненно, был Семен Исаевич Снитковский.

Итак.

«В день вступительного экзамена в консерваторию в зале не было свободных мест. Еще бы – решалась судьба одного из самых талантливых выпускников школы Столярского. Когда этот длинный парень с горбатым, как у Паганини, носом и курчавыми волосами вышел на сцену, в зале наступила тишина, которую нарушали только голоса членов жюри, что-то активно обсуждающих между собой. Семен поднял скрипку и внезапно резко опустил ее...

– Да играйте же, чего вы ждете? – отвлекся от беседы председатель комиссии.

* Со смертью не все кончается.

– Извините, но вы своими разговорами мне мешаете. Да и как вы будете оценивать мое исполнение, если вы меня не слушаете! – ответил Семен.

Зал замер. Был слышен только шепот Б.З. Мордковича (педагога Семена. – Е. К.): «Идиот, что он наделал! Теперь его примут, когда у меня на ладони вырастут волосы!»

Его приняли. Единогласно. С оценкой пять с плюсом.

Я процитировала отрывок из книги «Вспоминая С.И. Снитковского», изданной братом музыканта Д.И. Снитковским.

На призыв Д. Снитковского поделиться своими воспоминаниями о близком человеке, друге, коллеге и учителе откликнулись около пятидесяти человек.

И еще в книге можно прочитать более сорока восторженных рецензий на гастрольные выступления маэстро по Союзу и за рубежом, и в ней же двенадцать страниц в два столбца – перечень музыкального наследия великого музыканта. Недаром его коллеги говорили: «Снитковский превосходно играет все, что написано для скрипки в течение 300 лет – от Корелли до Р. Щедрина».

Я любил его игру. Она сочетала в себе исключительно теплый сочный звук и ослепительную виртуозность (...) Недавно я прослушал альбом с записями его игры. Какой он огромный музыкант и виртуознейший скрипач!

Родион Щедрин

В семье Снитковских музыка занимала большое место. Отец Семена в юности начал обучаться игре на скрипке, но помешала Гражданская война. Музыкальное образование матери

в Муздрамине оборвала смерть ее отца. Но с музыкой Мария Семеновна не рассталась. Будучи хорошей пианисткой, она в молодости подрабатывала тапером в кинотеатрах, а затем много лет руководила художественной самодеятельностью в Одессе. Несбывшиеся мечты родителей о музыкальной карьере воплотились в их первенце Семене – Семочке, появившемся на свет 9 августа 1933 года.

В Одессе в те годы было в ходу замечательное выражение – «талантливая мама». Оно полностью соответствовало характеру Марии Семеновны. Ее негибкая воля позволила ей выковать в Семене уверенность в его предназначении стать музыкантом. Ее самоотверженная, даже, можно сказать, жертвенная любовь к талантливому первенцу не знала границ. Она жила его успехами, его трудностями, его жизнью. Его ранний уход оставил незаживающую рану в ее сердце до самой смерти.

В семь лет, пройдя колоссальный конкурс, ты был принят в скрипичный класс знаменитой музыкальной школы П.С. Столярского, из которой тут же чуть не был исключен (...) живой мальчик с озорным характером не заметил и сбил с ног уборщицу с ведром и половой тряпкой...

Д. Снитковский. «Письмо к брату»

Первым наставником Семы стал сам Столярский, который, как говорили одесские мамы, учил детей на Ойстраха.

А дальше была война. Эвакуация. У Марии Семеновны с восьмилетним Семой и трехмесячным Димой были посадочные талоны на пароход «Ленин». Посадка была ужасная. Снитковской с детьми удалось попасть на пароход. Но в последний момент руководивший их отправкой родственник снял семью с судна, решив отправить их другим пароходом. И тем спас их. Пароход «Ленин» подорвался на советской мине. По разным оценкам, погибло около трех тысяч человек.

Войну семья прожила в Самарканде. Мария Семеновна нашла сыну какого-то педагога. Но занятия с ним дали не много.

Когда по возвращении в Одессу Семен встретился со своим новым учителем (П.С. Столярский умер в эвакуации) Бениамином Зиновьевичем Мордковичем, выяснилось, что мальчик безна-

дежно отстал. Таково было мнение Мордковича. Он так и заявил Марии Семеновне.

– Ваш мальчик отстал навсегда. В этом возрасте нецелесообразно начинать все сначала.

– Он догонит, – ответила мать.

И он догнал. В 1950 году Семен Снитковский сыграл в зале Одесской консерватории свой первый сольный концерт.

Благородство стиля, превосходное владение инструментом, красота звучания, своеобразие фразировки – все это сочетается у Снитковского с артистической яркостью, завершенностью формы...

Журнал «Советская музыка»

«Догонять» пришлось в коммунальной квартире, где стоило взять в руки скрипку, как раздавался крик вечно пьяного контуженого соседа: «Я убью этого еврейчика!». К счастью, года через два семья получила две комнаты в малонаселенной коммунальной квартире в доме на углу улиц Советской Армии и Бебеля.

Проходя мимо этого дома и слыша звуки скрипки, мы говорили: «Семка занимается».

Впрочем, Сему даже строгая мама не могла заставить заниматься больше трех часов в день. Уже тогда знаменитый скрипач и педагог считал, что трех часов интенсивной работы достаточно, чтобы решить поставленную перед собой задачу. То же он позже внушал своим многочисленным ученикам. А в те годы нередко специально отклонявшийся от своего маршрута с работы домой Мордкович, останавливаясь под Семкиным домом, кричал: «Семен, я не слышу твоей скрипки!».

...Я помню Семку, бегающего с другими пацанами во дворе школы, помню, как он часами мог смотреть на игроков в настольный теннис – это уже в консерватории. В консерватории мы близко сошлись. У него все годы концертмейстером была Вера Моисеевна Высоцкая. Она знала весь скрипичный репертуар. В консерватории она вела у нас, пианистов, концертмейстерский класс и договорилась, чтобы концертмейстером у Семы во время его занятий был я. С ним мы переиграли очень многое: испанскую симфонию Лало, концерты Сибелиуса, Чайковского,

Хачатуряна... Играли много пьес. Он весь репертуар держал в памяти. Что ни попросишь, сразу начинал играть. Но я не помню Семена, играющего в перерывах в коридоре или где-нибудь в уголке под лестницей. Там, кстати, очень любила упражняться Роза Файн.

Профессор Одесской консерватории А.А. Кардашев

Зато у Семена оставалось достаточно времени, чтобы интересоваться литературой, театром, живописью. Он был всесторонне образованным, интересным и обаятельным собеседником.

После десяти лет обучения школа Столярского не давала общеобразовательного аттестата. Чтобы в случае провала в консерватории можно было попытаться поступить в другой вуз, а не загреть сходу в армию, ребята в десятом классе шли в вечернюю школу. Окончил вечернюю школу и Снитковский. Несмотря на золотую медаль, было понятно, что в Московскую консерваторию ему не поступить. Зарежут на специальности. В военкомате, весьма прозрачно намекая на проблемы, создаваемые «неудачной» пятой графой, настойчиво уговаривали идти в Московское воен-

но-дирижерское училище, с гарантией поступления. Но мама так же категорично, как когда-то, произнесла «Он догонит», сказала: «Он поступит». Он поступил.

...Он неукротим, и эта неукротимость – от всепоглощающей любви к музыке. (...) Хочется сказать – играет сердцем (...) Обладая великолепной техникой, Семен Снитковский покоряет блеском, виртуозностью исполнения.

«Забайкальский рабочий», Чита

В консерватории Семен по-прежнему ученик Б.З. Мордковича. Профессор Мордкович – воспитанник и последователь Столярского, соученик Давида Ойстраха. Его лучшие ученики Роза Файн, Валерий Климов, Дора Шварцберг и др. становились аспирантами Ойстраха. Таким же Мордкович видел путь своего лучшего ученика Семена Снитковского. Семен очень ценил своего учителя, был ему предан, хотя бывало, что и обижался на его резкость. Так было, когда внезапно Мордкович заявил Семену:

– Ты никогда не сможешь играть, у тебя слишком большие руки. Тебе надо переходить на альт...

Думается, что это был сугубо воспитательный момент.

Через два года Семен вновь услышал нечто, касающееся его рук, на этот раз от Давида Федоровича Ойстраха:

– Сеня, ну какая же у тебя кисть – это же рука Паганини!

Были и другие поводы для обид на своего педагога. Но Семен зла не держал, понимал – Мордкович добивается максимальной отдачи. И когда Мордковичу понадобилась его помощь, он получил ее. Злопыхатели обнаружили, что у профессора нет документов о высшем образовании. И как это ни смешно, педагог, возрадивший плеяду музыкантов с мировым именем, вынужден был сам сесть за парту. Особые трудности представляли общественные науки, бездарное бесконечное конспектирование трудов классиков марксизма. Одолеть рутинную программу помогал Семен.

Но несмотря на преданность учителю, когда Снитковского не пустили в Прагу на объявленный на 1956 год фестиваль, он решил переводиться в Москву.

Запасся письмом к Ойстраху, написанным, кстати, не музыкантом, а легендарным в Одессе врачом И.Е. Циклисом (неотъемлемым участником любого культурного мероприятия города), и поехал в Москву. Он настолько понравился маэстро, что тот добился, чтобы для талантливого юноши перебросили место с вокального факультета на оркестровый. Но перевод в Москву не состоялся. Ойстрах не смог пренебречь письмом Мордковича, в котором тот писал: «Ты вырываешь кусок моего сердца. Забираешь моего лучшего ученика. Я тебе его не отдам».

Семен оканчивает Одесскую консерваторию с красным дипломом и получает «почетное» назначение в Запорожскую филармонию на... шестой пульт. К счастью, его «перекупает» Львов. Во Львове, куда он приехал уже с женой – одноклассницей пианисткой Ольгой Ступаковой, все складывается отлично: и с работой, и с квартирой.

Но Мария Семеновна говорит: «Лучше быть последним парнем в городе, чем первым на деревне».

И в 1957 году Снитковский поступает в аспирантуру к Ойстраху, одновременно начиная работать его ассистентом. Ольга поступает в аспирантуру к Я. Заку.

В том же 1957 г. Снитковский становится лауреатом Всесоюзного конкурса скрипачей.

...Исполнение такого уровня мы могли за последние двадцать лет слушать только по радио или в грамзаписи величайших артистов мира.

«Novi List», Југославија

1958 год. Объявлен один из самых представительных конкурсов – конкурс имени великого румынского скрипача, пианиста, дирижера и композитора Джордже Энеску в Румынии. Предстояло пройти шесть туров отбора. Прошли трое: А. Алиев, Е. Смирнов и С. Снитковский, а также камерный ансамбль – С. Снитковский и О. Ступакова. В аэропорту конкурсантов провожал представитель Минкульта.

– Товарищ Смирнов, – произнес он, – мы уверены, вы вернетесь с победой. Товарищ Алиев, мы надеемся, что вы достойно представите нашу страну.

Затем он повернулся к Семену:

– Товарищ Снитковский, вы довольны, что мы вас посылаем?

– Я вам скажу о своих чувствах по приезде, – ответил Семен.

Поскольку в центральной прессе при перечислении участников конкурса имя Семена даже не упоминалось, можно себе представить реакцию в том же Минкульте, да и не только, когда стали известны результаты:

С. Снитковский – 1-я премия, Е. Смирнов – 3-я премия. Алиев даже не прошел в третий тур. К тому же, С. Снитковский и О. Ступакова заняли 2-е место в конкурсе камерных ансамблей, уступив только в сложном специфически румынском программном произведении румынскому дуэту.

В Московском аэропорту их встречал тот же чиновник.

– Сеня! Какая победа! – воскликнул он. – Поздравляю!

– Ну, вы довольны, что послали меня на этот конкурс? – ответил Семен.

Интерпретация высшего ранга (...) ясная, точная интонация, тончайшие нюансы, насыщенный тон, выпуклая и утонченная, богатая красками фразировка.

«Business magazin», Romania

После получения золотой медали в Румынии жизнь осложнилась. Появились недоброжелатели. Надо было подтверждать свою неслучайность в победе.

Не принесла победа покоя и в личной жизни. Требовавшая полной отдачи музыка, преподавательская работа, которая все больше увлекала Семена, концертная деятельность, сопряженная с гастролями... и желание иметь домашний очаг, детей.

Но Ольга, талантливая пианистка, не видит себя в качестве домашней хозяйки, и они расстаются. Не берусь судить, было ли при расставании Семена и Ольги так, как писал Гейне:

Когда разлучаются двое,
То руки друг другу дают,
И громко вздыхать начинают,
И слезы горячие льют.

Очень уж многое их связывало: и многолетняя любовь, и профессия, и даже в свое время борьба с родительскими предрассудками (русская невестка – еврейский зять).

Через много лет Ольга призналась: «Какая я была дура... Ведь Сема хотел семью, детей, свой дом, а я не хотела это понять – мечтала о большой карьере, которая так и не случилась».

Во всяком случае, они на всю жизнь остались друзьями.

Вскоре после развода каждый обзавелся семьей и детьми.

Еще не был оформлен развод с Ольгой, Семен съехал лишь на съемную квартиру, когда он познакомился с очень красивой, совсем молоденькой девушкой.

Тамара – 19-летняя студентка института педагогики и дефектологии. Она образованна, начитана и музыкальна. С ней интересно. Вскоре взаимный интерес перерастает в большую любовь. Любовь, которую они хранили все двадцать лет их брака, двадцать лет трудного Тамариного счастья.

А счастье было действительно трудным. Легко ли быть замужем за гением! Тамару очень увлекала ее профессия. Но пришлось отказаться от самых интересных предложений в области научно-практического приложения ее знаний. Потому что Семен считал, что в одной семье два человека одновременно делать карьеру не могут (печальный опыт у него уже был). Тамара приняла эту точку зрения. Она устроилась логопедом в детскую железнодорожную поликлинику и проработала в ней до пенсии. Но у Семена теперь был Дом с большой буквы. Дом и двое детей – дочь и сын. Здесь его всегда ждали, здесь все было, как ему мечталось. Здесь он получал передышку от непрерывных разъездов, гастролей, мастер-классов, творческих поисков. Дом всегда был открыт для друзей, коллег, учеников. Ничего не умевшая в начале замужества девочка стала отличной хозяйкой, кулинаркой. Кормить принято было всех, кто переступал порог.

Большая семья требовала больших затрат, и с годами Семена все больше и больше закручивала гастрольно-педагогическая деятельность. Число концертов доходило до 120 в год. В последние годы добавилось профессорство в Московской консерватории и Будапештской академии им. Ф. Листа, многочисленные концерты и мастер-классы за рубежом.

Все меньше удавалось побывать дома...

А Тамара ждала. Он приезжал, и в доме начинался праздник.

После победы в Румынии о Снитковском заговорили. Но попытки стать солистом Московской филармонии были безуспешны. Кроме педагогической работы в консерватории оставалась лишь работа в Госконцерте. Приходилось ездить по всему Советскому Союзу.

...Отточенная техника, широкий могучий звук, тончайшие нюансы – от мощного фортиссимо до едва слышного, доходящего до шепота пианиссимо (...) Его смычку подвластна мощь титанической мысли Бетховена, грация и изящество лирики Моцарта и виртуозный блеск Паганини.

«Звезда», Пермь

Однажды Снитковскому был запланирован концерт даже за полярным кругом в Хантайке для работников местной ГЭС. Через залив пришлось по весеннему тонкому льду ехать на тракторе. Усадив своего бессменного аккомпаниатора Элеонору Иосиович в кабину к водителю, Семен стал на подножку с другой стороны, прижал к груди свой бесценный «Вильом», и так они пересекли залив.

Что касается зарубежных гастролей, то за них приходилось бороться. На все настойчивые приглашения Госконцерт отвечал отписками: «Снитковский заболел, Снитковский занят»... Пока скрипач не договорился с зарубежными импресарио, чтобы те обращались непосредственно к нему.

1962 г. Очередной конкурс им. Чайковского. Снитковский решил принять в нем участие. Ойстрах, понимая ситуацию в стране, его отговаривал:

– Сеня, я бы не стал рисковать. Они дадут какую-нибудь пятую премию, а у вас ведь есть первая.

Видимо, так же представляла себе ситуацию министр культуры Фурцева. Ей нужен был выдающийся отмеченный высокой наградой скрипач, которого она могла бы отправить на престижный конкурс Королевы Елизаветы в Бельгию. Ей рекомендовали Снитковского. Но нельзя было допустить его к конкурсу

Чайковского, результаты которого могли понизить его статус победителя на конкурсе Энеску.

Снитковского приглашают в Министерство культуры. Фурцева предлагает ему «бартер»: конкурс Чайковского на конкурс Королевы Елизаветы. Семен соглашается.

Фурцева не просчиталась. В 1963 г. Снитковский привез из Брюсселя две золотые медали: золотую медаль лауреата 2-й премии и золотую медаль бельгийского правительства. Первую премию, к недоумению музыкальной общественности и прессы, получил

скрипач А. Михлин, впоследствии никак не оправдавший эту высокую награду.

Семен Снитковский – художник в высшем смысле этого слова, обладающий исключительным мастерством (...) Видя его олимпийское спокойствие, его совершенную технику, красоту и мощное богатство его смычка, его величественность в исполнении разных произведений, мы вспоминаем Фрица Крейсlera.

«La Province», Belgique, 27.11.1963

Королева Елизавета (1876-1965), вручая Снитковскому свою фотографию, задала вопрос:

– Скажите, пожалуйста, как вас называла в детстве ваша мама?

И этот огромный человек, в руках которого, по словам Михаила Казиника, скрипочка казалась детской, ответил:

– Сёма.

Королева так и надписала фотографию: «Семе Снитковскому».

Снитковский, несомненно, принадлежит к числу величайших скрипачей своего поколения (...) Его игра впечатляет «пугающим совершенством».

«Tages Anzeiger», Schweiz

И еще одна бельгийская награда мирового масштаба. В 1967 году Международный фонд Э. Изаи в Бельгии удостоил Снитковского приза и золотой медали, присуждаемых раз в пять лет.

Слава Снитковского как музыканта и педагога в Европе растет. От импресарио нет отбоя. Почти по «Скрипачке» Осипа Мандельштама:

За Паганини длиннопалым
Бегут цыганскою гурьбой –
Кто с чохом чех, кто с польским балом,
А кто с венгерской немчурой.

Вообще-то, у Мандельштама не «немчура», а «чемчура», но многие источники позволяют себе такую «редакцию». В нашем случае «немчура» точнее рисует картину, которая и так не охватывает всю географию гастролей маэстро.

...Память об этом концерте сохранится надолго. Техника на таком уровне кажется уже не существующей, настолько подчинена основной мысли до малейшего тончайшего вибрато (...) Только музыка имеет значение.

«Nouvelle Republique», France

Высшая школа музыки в Вормсе (Германия) приглашает Снитковского преподавать на международных мастер-классах.

На этих мастер-классах Семен знакомится с Ролло Коваком – скрипачом из Франции. Возникает идея создать собственный мастер-класс. Впоследствии из этого мастер-класса родилась знаменитая Международная академия музыкального искусства в Туре.

После участия в фестивале Тибора Варге в Венгрии Снитковского приглашают на должность профессора в Будапештскую академию им. Ф. Листа.

А в 1974 г. когда уходит из жизни Давид Ойстрах, его ученики переходят к Семену Исаевичу.

В сентябре 2018 г. на Международный фестиваль «Золотые скрипки Одессы» съехались виртуозы со всего мира. Среди них ученики Семена Снитковского: Павел Верников, Захарий Зорин, Александр Винницкий, Михаил Вайман...

Фестиваль проходил под эпитафией «Наследники царя Давида». Концерт-открытие фестиваля был посвящен «памяти великого скрипача – ученика Давида Ойстраха Семена Снитковского».

Гениальный скрипач, гениальный педагог: по отношению к своим ученикам – отец, друг, брат, все вместе. Он прожил короткую жизнь, но оставил нам в наследство свое ощущение счастья быть человеком.

Захарий Зорин, Бордо, Франция

Гениальной скрипач, которого сравнивали с Крейслером и Хейфецем, гениальный педагог, профессор двух консерваторий (Московской и Будапештской) Семен Исаевич Снитковский ушел из жизни 4 апреля 1981 года.

Ему было всего 47 лет.

На его могиле на Кунцевском кладбище установлен памятник – скрипка со сломанным грифом и на плите бронзовое факсимиле.

